

Октября 24 (6 ноября)

Священномученик
Лаврентий (Князев),
епископ Балахнинский и
священномученик
Алексий (Порфирьев)

Епископ Лаврентий (в миру Евгений Иванович Князев) родился в 1877 году в городе Кашире. Происходил из духовного звания. Был единственным сыном у матери-вдовы. Начальное образование получил в Веневском духовном училище, среднее – в Тульской семинарии. В 1902 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. 28 января 1902 года пострижен в монашество на Валааме архиепископом Сергием (Страгородским), а 5 февраля рукоположен в иеромонаха.

28 февраля 1912 года назначен ректором Литовской духовной семинарии и настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря, в то время, когда там был архиепископ Тихон, будущий патриарх.

В 1917 году митрополит Тихон представил его к хиротонии, и в феврале 1917 года архимандрит Лаврентий был хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии.

Епископ Лаврентий был усердным делателем молитвы Иисусовой, учеником и духовным другом оптинских старцев.

Однажды оптинский старец Анатолий Зерцалов на вопросы одной женщины, правильно ли воспитывает ее владыка и что ему передать, ответил, что совершенно правильно, и трижды земно ему поклонился. Это было незадолго до мученической кончины епископа.

В Нижнем Новгороде епископ Лаврентий благословил создание Спасо-Преображенского братства по возрождению церковно-общественной жизни, организованного А. Булгаковым. Тогда же было организовано религиозно-философское общество, просуществовавшее до января 1918 года.

Собрания проходили по средам в доме А. Булгакова. Епископ Лаврентий был непременным их участником.

В Нижнем Новгороде епископ жил и служил в Печерском монастыре. Служил часто, любил читать акафисты перед афонским образом Скоропослушницы. За каждой службой говорил проповеди и после литургии благословлял весь народ.

Три последние свои проповеди заканчивал одними и теми же словами: «Возлюбленные братья и сестры, мы переживаем совсем особое время – всем нам предстоит исповедничество, а некоторым и мученичество». В доме Булгаковых говорил, что ему предсказана мученическая кончина. Рассказывали, что во время пребывания в Вильно, он отдал в женский монастырь свой клубук, чтобы его привели в порядок. Монахиня, занимавшаяся этим, все вычистила, выгладила наметку, надела ее на камилавку и подошла к зеркалу взглянуть, правильно ли она сидит. Подняла клубук над головой, чтобы надеть на себя, и вдруг упала без чувств. Она увидела над клубуком огненный венец. Пробыл владыка в Нижнем Новгороде один год и семь месяцев и все это время один

управлял епархией; правящий архиерей, архиепископ Иоаким Левицкий, летом 1917 года уехал в Москву для присутствия на Поместном соборе и не вернулся. Из Москвы поехал в Крым, где у него была дача, и там был повешен бандитами.

3 апреля 1918 года епископ Лаврентий писал патриарху Тихону: «...дела, дела, просители, посетители задавили, и главное, что со дня хиротонии всё один и один... А тут еще приходится себе повторять пословицу: от сумы да от тюрьмы не отрекайся... Но что делать? Надо уж видно нести такой крест, пока Господь дает силы».

В заботах о епархиальных делах, в тревогах за пастырей и паству прошли вся весна и лето 1918 года. 23 августа он писал патриарху: «...чувствую большое утомление и усталость от столь тяжелого, но лежащего на моих одиноких плечах бремени... Оставаясь один на епархии в такое трудное и исключительное время, каждый день и почти каждый час приходится принимать вести одну тревожнее другой, не раз желая и не решаясь оставить Нижний и приехать в Москву для присутствия на соборе, хотя для меня это было бы очень важно и интересно, и поучительно... Некоторые из арестованных священников отпущены, другие ещё в тюрьме. 28 июля я с большими трудностями мог добыть себе пропуск и посетить их. Попытки получить разрешение на совершение в тюремной церкви богослужения не увенчались успехом (ибо заведующий – иудей)...»

В конце августа 1918 года чекисты арестовали владыку Лаврентия.

В тюрьме ему предложили занять отдельную камеру, но он предпочел остаться в общей и первую ночь провел на голом полу. На следующий день его духовная дочь Е.И. Шмелинг передала епископу постель. Об этой постели возникло поверье, что того, кто полежит на ней, отпустят домой. И это исполнялось. Многие просились отдохнуть на его койке.

Покидал епископ камеру только тогда, когда его требовали к допросу или для выполнения принудительных общественных работ – чистки тюремного двора, метания сена, поездки с бочками за водой.

В свободное время, находясь в камере, епископ непрестанно молился, не обращая внимания на сыпавшиеся в первое время замечания и насмешки сокамерников, молился с таким усердием, что насмешки скоро прекратились, и находившиеся здесь, умилившись молитвенному подвигу архипастыря, невольно сами стали подражать его примеру.

Немалым утешением для епископа послужило полученное им от властей разрешение священнодействовать в тюремном храме, и он не пропускал ни одного праздника и воскресного дня, чтобы не принести Господу бескровную жертву о себе и о людях.

Духовные дети владыки передавали ему через келейника архиерейское облачение и продукты. Владыка высылал записку, пустую посуду, белье. Однажды выслал изношенные четки с просьбой заменить на новые. Они были переданы иеромонаху Варнаве (Беляеву), впоследствии епископу Васильсурскому который, взяв их, сказал: «Трудовые четки».

Говорят, что епископ дважды посылал своего келейника к протоиерею города Балахны, прося, чтобы прихожане обратились к властям с просьбой о его освобождении как Балахнинского епископа. Жители города собрали около шестнадцати тысяч рублей, которые намеревались внести как залог, и собирали подписи под прошением об освобождении архиерея. Под таким же прошением собирались подписи и в храмах Нижнего Новгорода.

Власти, однако, не собирались освобождать святителя. На Воздвижение, 14/27 сентября, когда он служил в тюремной церкви, туда пришли представители советской власти, чтобы посмотреть на него.

И таков был духовный облик святителя, так ярко горел свет его веры, что они единодушно решили убить его во избежание духовного подъема среди населения города. Но необходим был предлог.

В 1918 году государство постановило отобрать у Церкви земли и церковное имущество. Поместный собор единодушно это отверг; отобрание у Церкви храмов и церковного имущества было ничем иным, как открытым гонением на Церковь.

7 июня 1918 года состоялся съезд духовенства Нижегородской епархии. Съезд принял постановление протестовать против отобрания храмов, монастырей и церковного имущества. Было составлено соответствующее воззвание к пастве, которое подписали епископ Лаврентий как председатель съезда, настоятель собора протоиерей Алексей Порфирьев как секретарь собрания и бывший губернский предводитель Нижегородского дворянства Алексей Борисович Нейдгардт.

В воззвании были приведены слова апостола «облечитесь во всеоружие Божие». Властями они были истолкованы как призыв к вооруженному восстанию.

Когда обвинение было найдено, власти арестовали протоиерея Алексея Порфирьева.

Отец Алексей родился в многодетной семье крестьянина Симбирской губернии и избрал священство по влечению сердца. Был большим молитвенником. Из всех икон Божией Матери более всех почитал образ «Всех скорбящих радости».

После ареста о. Алексея не вызвали ни на один допрос, и у него сложилось впечатление, что его освободят. В день перевода в тюрьму ЧК, накануне празднования иконы «Всех скорбящих радости», у него было особенное настроение, и, прощаясь со всеми в камере, он говорил, что уверен – идет на волю.

К годовщине установления нового порядка по всей стране прокатился красный террор, тысячами были мучимы миряне, священники и епископы.

Вечером 23 октября/5 ноября епископа Лаврентия перевели на Воробьевку, в тюрьму ЧК. Вели его через весь город в сопровождении одного вооруженного солдата. По дороге люди подходили за благословением, а следовавшие сзади видели, как он вынимал из кармана платок, по-видимому, плакал. Проходя мимо подворья Пицкого монастыря, епископ остановился. Там праздновался престольный праздник иконы «Всех скорбящих радости» и шла всенощная. Узнав, что здесь епископ, молящиеся выходили и получали от него последнее благословение.

24 октября/6 ноября епископу Лаврентию и протоиерею Алексею было сказано, что их расстреляют, и предложено помилование, если они откажутся от сана.

Нечего и говорить, что такой отказ был немыслим, палачи и сами не верили в него и потому, не дожидаясь ответа, принялись избивать священномучеников, а затем объявили окончательный приговор – расстрел.

У владыки Лаврентия были с собой Святые Дары. Он причастился сам и причастил о. Алексея. Епископ был спокоен и радостен. Отец Алексей плакал.

– Почему вы плачете? Нам надо радоваться, – сказал епископ.

– Я плачу о моей семье, – ответил о. Алексей.

– А я готов, – сказал епископ.

Вскоре к ним присоединили Алексея Нейдгардта и повели в сад, где уже была вырыта могила, у края которой их всех поставили.

Епископ стоял с воздетыми руками и пламенно молился, о. Алексей – с руками, сложенными на груди, опущенной головой и молитвой мытаря на устах: «Боже, милостив буди мне грешному».

Русские солдаты отказались стрелять, потому что услышали в этот момент пение Херувимской. Позвали латышей, и они привели приговор в исполнение. Это было около одиннадцати часов вечера.

Следователь-латыш, ведший дело епископа Лаврентия, в ту же ночь пришел к Ю.И. и Е.И. Шмелинг, принес владыкины вещи и сказал, что у епископа не было никакого состава преступления, и сам вскоре уехал на родину в Латвию.

Через несколько дней Елизавета Шмелинг, идя утром к ранней обедне и проходя мимо здания ЧК, увидела, как из ворот выехала телега, на которой лежали два тела.

– Кто это? – спросила она возчика.

– Это тела епископа и священника.

– Куда вы их везете?

На Мочальный остров, оттуда ведено сбросить их в Волгу.

Иеромонах Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Российской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 1»

Тверь. 1992. С. 161-167